

О. В. Богданова (Санкт-Петербург, Россия)

ИНТЕРТЕКСТ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ЛЮБОВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ
В «ВОРОТИШЬСЯ НА РОДИНУ» И. БРОДСКОГО¹

Дается интерпретация элегического текста Иосифа Бродского «Воротишься на родину» (1961) и рассматривается вопрос травматического любовного переживания лирического героя, способы его преодоления посредством художественных претекстов. В качестве маркера изживания душевного кризиса центрального персонажа предложен путь обращения к интертексту, на который ориентировался автор при отражении чувств лирического героя. Традиционно элегия Бродского рассматривается как «диалог-отталкивание» с романсом А. Вергинского «Без женщины», в работе выявляются иные претексты, – тексты С. Есенина и М. Цветаевой. Показано, как обращение к претекстам С. Есенина и М. Цветаевой создает прецедент запараллеливания переживаний центрального персонажа (и надперсонажа, автора) и тем самым помогает ему справиться с душевными терзаниями, которые получают отражение в художественном тексте.

Ключевые слова: И. Бродский, «Воротишься на родину», любовная травма, композиционная структура, подтекст, интертекстуальность.

Для художественного творчества, триггером нередко служит травма, серьезное психологическое переживание. В поэтическом тексте, как правило, легко угадываются этиологические признаки «травмы», которая становится пусковым механизмом творческого переживания и ее поэтического переосмысления в тексте. Творчество, экстраполяция психологического переживания в текст, становится способом изживания, преодоления душевной травмы. Однако тактик сублимации множество, пути, которые избирает поэт на этом пути, разнообразны.

Мы остановимся на стихотворении И. Бродского «Воротишься на родину» [1, с. 71] и прибегнем к приему интертекстуальности как одному из возможных способов изживания личностной боли лирического героя (alter ego автора), перевода субъективного чувства персонажа в статус объективного, не внутреннего, но стороннего.

Элегическое стихотворение Бродского «Воротишься на родину» хорошо известно, нередко упоминается в критических обзорах [см. 2; 3; 4], однако, как правило, не становится объектом углубленного исследования. Пожалуй, единственной работой, которая предлагает анализ его поэтологических особенностей, стала статья А. Нестерова [5, с. 124–131], где анализируется структура цикла «Июльское

---

¹Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01671 (Русская христианская гуманитарная академия).

интермеццо», куда вошел анализируемый текст. А. Нестеров не рассматривает травму как исток поэтического творения, но касается вопроса интертекста, указывая, что для поэзии Бродского «весьма характерно, что часто она есть продолжение чужой поэтической речи», и в случае с «Воротишься на родину...» этим «затактовым» (в его определении) текстом-предшественником следует считать романс А. Вертинского «Без женщин» [5, с. 125]: «достаточно положить рядом два текста – “Воротишься на родину...” Бродского и “Без женщин” Вертинского, чтобы увидеть их параллелизм» [5, с. 125].

У Вертинского:

*Как хорошо без женщин и без фраз,
Без горьких слез и сладких поцелуев,
Без этих милых, слишком честных глаз,
Которые вам лгут – и вас еще ревнуют.
Как хорошо без театральных сцен,
Без долгих благородных объяснений,
Без этих истерических измен,
Без этих запоздалых сожалений. <...>
Как хорошо проснуться одному
В своем уютном холостяцком flat'е,
И знать, что ты не должен никому
Давать отчеты ни о чем на свете [6].*

У Бродского:

*<...>
Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан.
Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего вокзала [1, с. 71].*

По словам А. Нестерова, совпадения почти буквальны. Однако вывода о целевом характере выявленного сближения А. Нестеров не делает. И хотя указание на связь с романсом А. Вертинского может быть принято во внимание, но в нашу задачу входит обнаружение иных претекстов и попытка эксплицировать их аксиологическое значение в преодолении душевной травмы лирического героя Бродского.

Элегия «Воротишься на родину. Ну что ж...» в десятичастной композиции цикла «Июльское интермеццо» занимает почти срединную

позицию – стоит под № 4. Даже внутри «интермеццо» «Воротишься на родину...» отличается особым ямбическим размером (5Я) и состоит из пяти катренов с перекрестной рифмовкой (*авав*). Более того, примечательно, что фрагменту № 4 предшествует своеобразный фрагмент № 3, состоящий из отточий, имитирующих купированный текст. Это ставит рассматриваемое стихотворение в своеобразную позицию, *интермеццо внутри интермеццо*, заставляя акцентировать его выделенность, действительно, наделяя фрагмент чертами изолированности и стихотворной самостоятельности и самооценности.

Первая строка стихотворения «Воротишься на родину» указывает на то, что лирический герой возвращается из поездки. Форма глагола «воротишься» фольклорно-простонародным и отчасти устаревшим полногласием *-оро-* расширяет пространство стиха и порождает ощущение, что путешествие героя было дальним, отсутствие на родине долгим и события сопровождалось рядом драматических обстоятельств, которые «остались за скобками», сокрыты за многоточиями. Избранная Бродским форма – монолог-рассуждение – порождает раздумчиво-медитативную тональность, сквозь которую прорисовываются пережитые героем в недавнем прошлом события («травма»).

В едва начинающемся монологе лирического героя (первый катрен) сразу намечается мотив одиночества, симптоматическая актуализация некой психологической травмы.

«<...> кому еще ты нужен» – обстоятельство *еще* «от противного» позволяет понять, что лирический герой *уже* никому не нужен.

«кому теперь в друзья ты попадешь» – обстоятельство *теперь* подчеркивает, что *прежде* было не так.

«гляди вокруг...» – обстоятельственное наречие *вокруг* нестрога акцентирует всеобщность происходящих с героем перемен.

Лирический голос (за которым, несомненно, угадывается и надсубъект повествования, автор) вырисовывает ситуацию, когда герой, возвращающийся домой, переживает угнетающее одиночество и растерянность перед предстоящим.

Возникает вопрос травматической этиологии: о чем печалится лирический герой? Как ясно из текста, прежде всего о вине, которая лежит на лирическом персонаже («во всем твоя, одна твоя вина»). Омонимическая игра превращает *вино* в *вину*, лексический повтор *твоя* акцентирует готовность героя ответственность за драматизм происходящего взять на себя. Проекция на романс А. Вертинского позволяет предположить, что речь идет о любовных отношениях.

Междоветное «Ну что ж...» оттеняет безысходность сложившейся между возлюбленными ситуации и как будто бы предполагает продолжение: *ничего не поделаешь* – в смысловом контенте синонимичное кратким односоставным предложениям, закрывающим второй катрен: «И хорошо. Спасибо. Слава Богу».

Третий катрен открывается речевыми формулами, которые, по мысли А. Нестерова, заимствованы Бродским у Вертинского. Речь, несомненно, идет не о заимствовании, но о речевой конвергенции (вполне возможно, сознательной): «Как хорошо, что некого винить, / как хорошо, что ты никем не связан...» [1, с. 71]. Но внешнее формальное подобие лирическому герою А. Вертинского, пытающемуся найти себе оправдание, причем не только внутреннее, но и внешнее, не только «отыграть проигрыш», но и «постраховать... самолюбие мужчины»:

А чтобы проигрыш немного отыграть,
С се подругою затеять флирт невинный
И как-нибудь уж там постраховать
Простое самолюбие мужчины! [Вертинский, 2012]

– у Бродского получает иное выражение: виновата не она, но я/он.

Четвертый катрен, который в двух первых строках содержит сходную стратегию амплификации, только в последних двух привносит некое едва уловимое новое переживание:

Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете *одному*
идти пешком с шумящего вокзала.

Наконец, пятый и последний катрен снова открывается привычным «Как хорошо...», но вслед за ним *вдруг* появляется уже совсем небанальное – *слова неоткровенные*. В заключительных строках герой после десятка привычных банальностей *вдруг* признается себе в самообмане, которым он надеялся утишить душевную боль. Долгими повторами убеждавший себя, что одно или другое *хорошо*, он *теперь* понимает, что *неоткровенно* полагался на банальные истины, что на самом деле его душа «медленно» «заботится о новых переменах».

Поведенческая, этическая и эмоциональная доминанта лирического субъекта Бродского иная, чем у А. Вертинского. Смысловое смещение и интенциональная перекодировка очевидны, логика сопоставительного обобщения не срабатывает, объект интертекстуальной параллели – формальный. То есть *внутреннее* содержание стиха Бродского вряд ли можно поставить в зависимость от «Без женщин» А. Вертинского –

скорее элегию Бродского следует спроецировать на иные претексты, с родственной модальной установкой автора и оказывающиеся эмоционально и психологически более близкими.

В этом плане прежде всего речь может идти о Сергее Есенине. Как бы ни относился повзрослевший Бродский к поэту, в 1961 году в стихотворении «Воротись на родину...» отзвуки есенинской поэзии ощутимы, проблемное поле элегии вбирает в себя есенинские мотивы.

Уже первая – по сути титульная – строка «*Воротись на родину*» соположением слов-понятий и фольклоризированной полногласной формой глагола наводит на мысль о «Возвращении на родину» (1924) С. Есенина. Исходное предложение «Воротись на родину(.)» в своей краткости и с акцентированием точкой парцелляции прочитывается как синоним названия «Возвращение на родину» (особенно с учетом того, что именно эта строка и становится заглавием стихотворения Бродского). Однако интонационная, стилевая и эмоциональная переключка еще ощутимее актуализируется в связи с другим есенинским стихотворением – «Русь советская» (1924), где размышления поэта (тоже) связаны с возвращением на родину и где возвращенческий мотив сопровождается мотивом пронзительного одиночества лирического героя, т. е. субъектные перспективы обоих текстов пересекаются.

Из «Руси советской» в памяти всплывают трагические строки: «Язык сограждан стал мне как чужой...» и «Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен...» [7, с. 269]. Бродский почти по-блоковски заменяет образ родины на образ возлюбленной, патриотическую мотивику переводит в разряд любовной, смещает ассоциативные цепочки, но сохраняет настроение лирического героя – осознание одиночества и отторгнутости друзьями («кому теперь в друзья ты попадешь»), возлюбленной («ничья рука тебя не провожала»), всеми («кому еще ты нужен»).

Есенинские мотивы «Я никому здесь не знаком. / А те, что помнили, давно забыли...», «Ни в чьих глазах не нахожу приют...» [7, с. 268] словно находят продолжение в строках элегии Бродского. Настроение лирического героя Есенина подхвачено современным поэтом, словно перенесено в другие обстоятельства, но интонационно и эмоционально уловлены и пересозданы. Позиция лирического героя Есенина «Приемлю все. / Как есть все принимаю...» [7, с. 270] находит аллюзийное отражение в ощущении лирического персонажа Бродского – «И хорошо. Спасибо. Слава Богу» [1, с. 71]. В иных речевых словообразах, но герой Бродского тоже «как есть все принимает».

В «Воротись на родину...» Бродский, в отличие от Есенина, не развивает тему родины, но звучание в первой строке есенинской

узнаваемой ноты привносит в текст дополнительные коннотации. В тексте обнаруживается мотив уподобления, сопоставления, параллели – тот самый (превентивный по сути) мотив преодоления травмы одиночества через интертекст, через посредство знакомой литературы.

Между тем есенинский претекст – не единственный, который может быть сопоставлен с «Воротишься на родину...» Бродского. Другой текст – цветаевский «Тоска по родине! Давно...» (1934), тоже ориентированный на тему родины с обнаженной темой одиночества.

Вновь, как и в случае с Есениным, диалоговая переключка текстов угадывается уже на уровне зачина. Слово-образ-мотив *родина* появляется первым в первой же строфе и в первой же строке Цветаевой: «Тоска по родине! Давно...» [8, с. 315]. И, как у Есенина, дополняется и усиливается пронзительным мотивом щемящего и трагического одиночества: «Мне совершенно все равно – где совершенно одинокой быть...» [8, с. 315]. Нельзя сказать, что Бродский наследует декламируемое *равнодушие* лирической героини Цветаевой, ее неприятие родного (и чужого) мира, но цветаевское «*все равно*» вполне соотносимо с «*как хорошо*» Бродского.

Вновь, как и с Есениным, тема родины, развиваемая Цветаевой, лишается у Бродского фактора прямой адресации: она латентна и остается едва намеченной. Между тем, как и прежде, именно возвращение на родину (с его емкой символической семантикой жизненного пути) играет роль эмоционального триггера: порождает в герое размышление о себе, о любви, о товариществе, подводит к осмыслению пережитых потерь и ожиданию будущих душевных перемен. И хотя есенинско-цветаевский мотив родины сдвигается у Бродского на второй план, дополняется и усиливается эмоциональными коннотациями всепроникающего онтологического (экзистенциального для всех трех поэтов) одиночества, но именно интертекстуальное сопоставление позволяет за болевыми признаками травмы лирического героя Бродского разглядеть способ преодоления «вины» и «раны», той травматической боли, которая и подтолкнула поэта к творчеству, к поэтическому размышлению. Интертекстуальные параллели позволяют герою найти аналоги той же (такой же) боли-болезни-травмы, которую переживает (как оказывается) не он один, тем самым подсказывая ему путь излечения от «не-любви» и одиночества [об исцеляющей роли интертекста у Бродского см.: 9].

Таким образом, можно заключить, что интертекстуальные аллюзии, намеченные применительно к элегии Иосифа Бродского «Воротишься

на родину», дают представление о многоуровневости восприятия текста и позволяют говорить о возможности творческого, художественного, *литературного* преодоления травматической боли (одиночества), которую переживает лирический герой поэтического текста и который ищет избавления (излечения) от нее на пути внетекстовых (интертекстуальных) аналогий.

Список литературы

1. Сочинения Иосифа Бродского. – СПб. : Пушкинский фонд, 1998. – Т. 1. – 304 с.
2. Гордин, Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел / Я. Гордин. – М. : Время, 2010. – 256 с.
3. Лосев, Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии / Л. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 447 с.
4. Полухина, В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха / В. Полухина. – СПб. : Издательство журнала «Звезда», 2008. – 528 с.
5. Нестеров, А. О структуре цикла И. Бродского «Июльское интермеццо» / А. Нестеров // Развитие средств массовой коммуникации и проблемы культуры : сб. – М. : Университет Н. Нестеровой, 2001. – С. 124–131.
6. Вертинский, А. «Дорогой длинною...» [Электронный ресурс] / А. Вертинский. – М. : Астрель, 2012. – 623 с. – Режим доступа: https://royallib.com/book/vertinskiy_aleksandr/dorogoy_dlinnoyu.html. – Дата доступа: 07.09.2022.
7. Есенин, С. Собрание сочинений : в 2 т. / С. Есенин. – М. : Советская Россия ; Современник, 1990. – Т. 1. – 480 с.
8. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. – М. : Терра, 1997. – Т. 2. – 592 с.
9. Богданова, О. В. Поэтические миры Иосифа Бродского / О. В. Богданова, Е. А. Власова. – СПб. : Алетей, 2022. – 174 с.

O. Bogdanova

INTERTEXT AS A WAY TO OVERCOME A LOVE EXPERIENCE IN «YOU WILL RETURN TO YOUR HOMELAND» BY I. BRODSKY

The article gives an interpretation of the elegiac text of Joseph Brodsky «You will return to your homeland» (1961) and examines the question of the traumatic love experience of the lyrical hero, ways to overcome it through artistic pretexts. As a marker of overcoming the mental crisis of the central character, a way of addressing the intertext is proposed, which the author focused on when reflecting the feelings of the lyrical hero. Traditionally, Brodsky's elegy in the intertextual aspect is considered as a «dialogue-repulsion» with the romance of A. Vertinsky's «Without Women», the work reveals other pretexts, these are the texts of S. Yesenin and M. Tsvetaeva. It is shown how the appeal to the pretextual poetic material creates a precedent for parallelizing the experiences of the central character (and the overpersonage, the author) and thereby helps him cope with mental anguish, which are reflected artistically in the text.

Keywords: I. Brodsky, «You will return to your homeland», love trauma, compositional structure, subtext, intertextuality.